

A stylized, high-contrast illustration of a man's face. The man has a large, dome-shaped headpiece with vertical lines radiating from the top. His eyes are large and blue, with thick, black, spiky eyelashes. He has a prominent, light-colored nose and a beard composed of many small, dark, circular shapes resembling roses. The background is a solid light brown color.

Калевала

В ПЕРЕСКАЗЕ ПАВЛА КРУСАНОВА

ЛИМБУС ПРЕСС
Санкт-Петербург

Эпосы, легенды и сказания Калевала

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7319010

*Калевала / карело-финский эпос в пересказе Павла Крусанова: Лимбус
Пресс, Издательство К. Тублина; Санкт-Петербург; 2015
ISBN 978-5-8370-0713-2*

Аннотация

Карело-финский эпос "Калевала" – не только главная книга наших северных соседей и "ценнейшее из того, что создано на финском языке" (К.Крон), но и настоящее сокровище мировой культуры в целом. Древние боги, колдуны и герои оживают на страницах этой книги. Нордическая красота дремучих лесов, звон мечей, свинцовые волны и холодные водопады очаровывают своей грозной первобытной гармонией. Поистине строками древних рун творится мир сказочной реальности, в котором звери разговаривают с людьми, девицы обращаются в рыб, а в реке мертвых плавают туанельский лебедь.

Это третье, исправленное издание "Калевалы" в прозаическом пересказе Павла Крусанова, увлеченного ценителя этого выдающегося литературного памятника.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

1. Рождение Вяйнемёйнена	12
2. На земле вырастают деревья и хлеб	16
3. Йоукахайнен состязается с Вяйнемёйненом	23
4. Аино рыбой уплывает в море	31
5. Вяйнемёйнен ловит в море сестру Йоукахайнена, но та вновь ускользает	37
6. Йоукахайнен поражает стрелой коня Вяйнемёйнена	41
7. Орел спасает Вяйнемёйнена, и рунопевец попадает в дом хозяйки Похьолы	44
8. Вяйнемёйнен встречает красавицу Похьолы и ранит себе топором колено	50
9. Старик останавливает кровь в ране Вяйнемёйнена	56
10. Ильмаринен выковывает Сампо	64
11. Лемминкяйнен похищает девицу из рода Саари	72
12. Лемминкяйнен оставляет Кюлликки и едет в Похьолу	78
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Павел Крусанов

Калевала

О серьезном лучше начинать несерьезно и потихонечку подводить к серьезному, иначе у неподготовленного читателя зевота отобьет всякий интерес к теме. Это мое личное мнение, и если кто-то захочет его оспорить – пусть, возражать не стану. У всякого свои способы завоевать читательское внимание. Один работает, надев на голову шутовской колпак, другой – в застегнутой на все пуговицы строгой академической паре.

Обращение серьезного писателя Павла Крусанова к великому наследию моих предков (с отцовской стороны ваш покорный слуга принадлежит к финно-угорскому племени вепсов) вызывает у меня лично чистый низкопоклоннический восторг и здоровую человеческую зависть.

Первое, восторг, – потому, что писателю удалось не положить высокий язык поэзии при переводе его на низменную платформу прозы. Второе, зависть, – потому, что, как говорил один ушедший петербургский поэт, «это должен был написать я».

Идти к истокам всегда труднее, чем плыть к устью, следуя по течению. Крусанов идет к истокам. Идет всегда – возьмите его романы, в них читатель то и дело ухаает с головой вниз, в мыслящий океан, в Солярис, прячущийся под обманкой

сюжета.

Сильных это вызывает на спор, заставляет трудиться мыслью, слабых – раздражает и отчуждает.

Вот хороший, кстати, прием для вычленения из поголовья читателей двух пород – сильные и не очень: выдать каждой особи на прочтение роман Крусанова и наблюдать ее читательскую реакцию.

Это было предисловие к предисловию, нечто вроде. Перехожу теперь к предисловию, надеюсь, оно выйдет не длинным.

Одним из первородных начал в космогонии карело-финских народов является пиво. Наряду с огнем, железом, кантеле и медведем пиво составляет основу жизни, и в «Калевале» в «Книге первородных начал» отдельная глава посвящена его появлению. Глава эта так и называется – «Рождение пива». В ней подробно описывается процесс варки, концовка же у главы следующая:

Так вот уродилось пиво,
Калевы хмельной напиток,
там и имя получило,
добрую с почетом славу,
чтоб оно хорошим было,
вкусным, крепким и душистым,
всех бы женщин потешало

и мужчин вело к веселью,
радовало добродушных,
а глупцов кидало б в драку¹.

Собрал и записал «Калевалу» финский врач и языковед Элиас Лённрот в 20-40-е годы XIX века. Окончательный текст памятника был издан в 1849 году и составил в общей сложности пятьдесят рун.

«Родиной этих поэм, – писал Лённрот в предисловии к книге, – является Карелия по обе стороны государственной границы Финляндии и России». Таким образом, район Калевалы – это карельское Беломорье, Олонец и прилегающие к ним карельские и финские территории.

Поэтому в предыдущем издании пересказанной Крусановым «Калевалы» (Астрель-СПб, АСТ, 2005) странно было видеть вынесенный на обложку подзаголовок: «Финский народный эпос» (вместо «Карело-финский»). Вины Крусанова в этом нет, у него как раз все было правильно. Это кто-то из специалистов «Астрели» оказался то ли карелофоб, то ли просто повелся на поводу своеобразной книгопродавческой глупости. Мол, нынешний книжный рынок сориентирован на литературу Запада, и карелы на нем не катят, как не катят мордва и вепсы, татары, нганасаны и чукчи. Финляндия же какая-никакая, а за граница.

По мнению академика О. Куусинена, «Калевала» – един-

¹ Перевод А. Титова.

ственный из северных эпосов, рожденных в народной гуще. Все остальные эпосы, будь то «Песнь о Нибелунгах» или скандинавская «Эдда», «составлены певцами-профессионалами, воспевавшими легендарных героев на пиршествах князьков».

И пили эти «князьки» не пиво, подлинно народный напиток, пили они вино, классический напиток аристократии.

Оставим на совести академика такое опрометчивое высказывание и, чтобы не понижать градус, давайте-ка перейдем с пива на что-нибудь покрепче, чем оное.

На волю к творчеству, например. На пределы посягательств творца на творение, созданное не им.

Всякий переводчик и обработчик, будь то Гнедич, подаривший нам «Илиаду», будь то самый низкопробный толмач, какой-нибудь занюханный Рукавицын, переводящий с обезьяньего на паучий, волею своего таланта/своей бездарности меньше/больше, но всегда искажает первоисточник. Это, к сожалению, аксиома. Или – к счастью, у кого как. Мы читаем не Гомера, а Гнедича. Мы читаем не Воннегута и Сэлинджера, мы читаем Риту Райт-Ковалеву. В этом нет ничего обидного. Обидно наше не-владение языками, произрастающее из нашей лени. Единственное, что их оправдывает, эти наши леность и невладение, – совершённое по умыслу Божьему великое рассеяние народов после известных вавилонских событий («Сойдемъ же и смѣшаемъ языкъ ихъ, такъ

чтобь одинь не поняль рѣчи другого. И разсѣяль ихъ Господь оттуда по всей землѣ; и они перестали строить городь (и башню)»). Короче, Бог виноват. Или – если вы атеист – Пушкин.

Все, изложенное в предыдущем абзаце, в полной мере применимо и к «Калевале».

Но сперва – еще немного о воле к творчеству.

Что есть воля? Это способность человека сознательно управлять своими чувствами и поступками.

Что есть творчество? Смотрю словарную статью и читаю:

«Творчество – процесс деятельности, создающий качественно новые материальные и духовные ценности или итог создания объективно нового. Основной критерий, отличающий творчество от изготовления (производства), – уникальность его результата. Результат творчества невозможно прямо вывести из начальных условий. Никто, кроме, возможно, автора, не может получить в точности такой же результат, если создать для него ту же исходную ситуацию. Таким образом, в процессе творчества автор вкладывает в материал некие несводимые к трудовым операциям или логическому выводу возможности, выражает в конечном результате какие-то аспекты своей личности. Именно этот факт придает продуктам творчества дополнительную ценность в сравнении с продуктами производства».

Вот теперь, определившись с понятиями, переходим непосредственно к «Калевале», а конкретно к ее прозаиче-

скому изводу, сделанному Павлом Крусановым.

– Ну что, Ильмаринен, великий кузнец? Если сумеешь ты сделать Сампо из лебяжьего пуха, молока нетели, овечьей шерсти и ячменного зерна, то получишь в награду за работу мою красавицу дочь.

То же место из «Калевалы» в переложении поэтическом (перевод А. Титова):

Ой, кузнец мой, Илмаринен,
ты кователь вековечный!
Коль сковать сумеешь Сампо,
крышку пеструю сработать
из конца пера лебедки,
молока нетельной тёлки,
ячменя зерно прибавив
и ягнячьей шерсти летней,
дочь в награду ты получишь,
за свои труды девицу.

Что мы видим? Опрощает ли прозаик Крусанов поэтический язык «Калевалы»? С одной стороны, да. Проза здесь концентрированнее поэзии. Но, с другой стороны, Крусанов удачно концентрирует суть, уточняя и убирая лишнее, а в случае «лебяжьего пуха» исправляя непонимание переводчика, превращая неудобочитаемое «конец пера лебедки» в воздушный лебяжий пух. Жаль, конечно, что в прозаиче-

ском пересказе потерялась летняя шерсть ягнячья, но зато тавтологическая «нетельная телка» удачно сократилась до «нетели».

Метафорический строй языка Крусанова сам рождает новые сущности, дополняя и при этом не искажая эпическую основу книги, идет процесс обогащения текста.

То есть в приведенном примере налицо (см. «Что есть творчество?») «процесс деятельности, создающий качественно новые... духовные ценности» и создание «объективно нового». Также налицо (см. «Что есть воля?») сознательное управление процессом, приводящим к желаемым результатам. Без вдохновения здесь тоже не обошлось, но вдохновение – птица легкая и прилетает неизвестно когда, без воли же творчества не бывает.

Других примеров не привожу, чтобы не утомлять читателя.

Теперь к вопросу о пределах дозволенности. Насколько сильно при переводе первоисточника автор может переиначивать его текст? Оставляя в стороне тексты авторские (там разговор особый), остановимся на памятниках фольклора.

Сам фольклор, народное творчество, не есть нечто устоявшееся в своем развитии, не последняя точка, не идеал, потому что идеал – это смерть, это та заоблачная «омега», которой не бывает в природе. И «Калевала», собранная Аённротом (и дополненная его собственными стихами), и «Кале-

випоэг», эстонский эпос, собранный (и дописанный) Крейцвальдом, на самом деле сплав народного и писательского, коллективного и личного, и это нормально.

Точно так же правомерен и опыт, проделанный Крусановым с «Калевалой».

Что добавить еще? О пиве сказали, о лебяжьем пухе поговорили, о воле к творчеству тоже.

Теперь дело за малым – приступить к чтению «Калевалы».

Александр Етоев

1. Рождение Вяйнемёйнена

Память рода, предания предков рассказывают, что Вяйнемёйнен – пращур племени певцов и всех играющих на кантеле – был рожден на свет дочерью воздуха и хозяйкой вод прекрасной Ильматар.

Несчетные времена одиноко жила Ильматар на пустых воздушных равнинах, и не было вокруг ничего, кроме бескрайней страны воздуха и безжизненной пучины под ней. Свод небес еще не встал над миром, солнце и месяц не воссияли на нем, птицы не летали, рыбы не населили вод, и суша не положила пределы морю – таким было начальное тво-

рение Укко, верховного бога.

Шло время, и однажды скучной и странной показалась Ильматар ее одинокая жизнь – ей захотелось иного. Спустилась дева вниз, на прозрачный хребет моря, и склонилась над волнами, озирая новые владения. И тут же поднялась буря, свирепый ветер замутил пеной море, встали вокруг водяные валы – закачало Ильматар ветром, подхватило пенными волнами, и надула буря деве плод.

Семьсот лет – девять жизней человека – носила Ильматар во чреве тяжесть, а роды не наступали: не зачатый – не рождался. Семьсот лет она металась во все края безбрежной пучины, боль и жажда разрешения терзали ее, но лоно Ильматар оставалось запертым: не зачатый – не рождался. Скорбь овладела прекрасной девой, и пожалела она, что покинула легкие пажити воздушные, что презрела покой и теперь тяжела, гонима бурей, томима холодом, бита волнами на открытом просторе моря. И взмолилась слезно Ильматар, и просила Укко, держателя мира, прийти ей на помощь, избавить от болей и муки чрева.

Едва произнесла она горькие речи, как появилась над морем чудо-утица – кружит птица без устали, бьет воздух крыльями, ищет место для гнезда. Во все концы моря слетала утка, все края осмотрела, но не нашла нигде себе места: никак жильё на ветре не устроить, не свить на воде гнезда. Пожалела Ильматар птицу и подняла из воды колено – приняла его утка за кочку, обустроила гнездо и снесла яйца: шесть

золотых, а седьмое – из железа. Села утка на гнездо наседкой греть чудесные яйца, и вскоре почувствовала Ильматар нестерпимый жар в колене – так гнездо нагрела утка, что стало колено словно в огне, а кровь в жилах – будто расплавленный металл. Дернула от боли Ильматар ногой, и скатились чудесные яйца в воду. Разбились они о буйные волны на куски, и из осколков вышла из моря земная твердь, из белка – месяц, крошкой золотой скорлупы рассыпались на небе звезды, а из скорлупы железной явились темные тучи.

И улеглась буря, и сменился мир, и время мира стало другим: отделилась тьма от света и день от ночи, воцарилось в небе юное солнце, помогал ему править молодой месяц. Довольна осталась Ильматар. превращением: плавает она по дремотному морю, по туманной глади, и под ней оживают водные глубины, а над ней озаряется небо. Довольна Ильматар и рада сама обустроить творение: куда вытянет руку, там воздвигается мыс за мысом, куда ногой ступит – остаются рыбам ямы и лососьи тони, где коснется земли боком, там разглаживается берег, куда склонит голову – появляются малые бухты. Отплыла хозяйка вод от суши и в глубоком море создала подводные скалы, где пропорют днища ладьи, и моряки найдут свою погибель. Все устроила Ильматар: воздвигла столбы ветров и все земные страны с пестрыми горами, с реками, с ручьями, с озерами, с ущельями в утесах, и только Вяйнемейнен никак не мог покинуть материнскую утробу. Еще тридцать лет провел он в тесном чреве, через

пуповину впитывая тайны творения, и от раздумий в темном узилище сделался мудрее мудрого. Просил он скрытые от глаз небесные светила отворить неведомые засовы, дать ему выход из заточения, но не получил свободы ни от месяца, ни от солнца, ни от семизвездной Медведицы – не слышали светила, высоко вознесся их престол.

Постыло и тяжело жилось Вяйнемёйнену нерожденным, и решил он спастись своею силой: развернулся поудобней и малым пальцем левой ножки открыл костяной замок, после сдвинул безымянным пальцем ворота крепости, на коленях переполз сени, на руках – порог. И упал богатырь в море, обхватив руками волны.

Долго носило его по водам из края в край, но выплыл наконец песнопевец на пустынный безлесный берег. Приподнялся он на колени, оперся о землю руками и встал во весь рост – чтобы легко было смотреть на солнце, чтобы ясно видеть месяц, чтобы говорить с острыми звездами.

Так родился Вяйнемёйнен.

2. На земле вырастают деревья и хлеб

Много лет прожил Вяйнемёйнен на берегу, отросла у него борода и побелели волосы, но по-прежнему оставалась земля Калевалы пустынна и гола, как в начальный день.

Долго думал Вяйнемёйнен о наряде земли, и настало время, когда решил он, что пришел срок засеять деревьями холмы, болота и каменистые равнины. Призвал вещей певец Сампсу – мальчугана Пеллервойнена, маленького и свежего, как подснежник, – достал Сампса, нежное дитя поляны, горсть семян и посеял на горах сосны, на холмах – ели, кусты – в долинах, на полях – вереск, в логах – ольху, ракиту – на

болоте, в песках – можжевельник, у широких рек – дубы. И поднялись над землей ели с пестрыми верхушками, встали красноствольные сосны, выросли в логах береза, ольха и черемуха, вытянулся можжевельник в лиловых бусинах ягод. Посмотрел старый Вяйнемейнен, как удался у Пеллервойнена сев, и видит: проросли из семян все деревья, только никак не может взойти дуб.

Семь дней и ночей ждал Вяйнемейнен, но не поднялся дуб. И тогда, на исходе недели, вышли из моря пять дев: скосили на мысу росистый луг и сгребли сено в стог. Следом встал из волн страшный Турсас, высек огонь и поджег сено: охватило пламя траву, взлетела к небу туча дыма, и осыпался стог горой сухого пепла. Завернул Турсас желудь в зеленый лист, вложил в пепел и вернулся обратно в пучину. И тогда проклюнулась былинка, потянулся стройный росток. В краткое время встал из золы огромный дуб с могучей кроной в сто вершин, до небес вскинул ветви: не стало прохода тучам, заслонила листва солнце и месяц.

Вновь тьма опустилась на землю, и следом за тьмою печаль и тоска окутали Калевалу. Осмотрел Вяйнемейнен злое дерево, все его сто вершин, и понял, что нет на свете богатыря, кому по силам будет свалить исполина. Тогда обратился он к дочери творения Каве, к матери своей Ильматар, и просил послать из моря, наделенного великой силой, помощь – обрушить могучий дуб, чтобы опять над миром воссияли солнце и месяц. Услышала сына Ильматар и послала

из вод героя: богатыря не большого, не малого – ростом с шишку, с женскую пядь. Был тот богатырь словно из меди: шапка, сапоги и рукавицы на нем – медные, на груди блестяла медная чешуя, за звонким поясом – медный топор с лезвием в ноготь.

– Что ты за силач? – с сомнением сказал Вяйнемёйнен. – Сдается мне, не многим ты сильнее мертвого.

– Не суди поспешно, Вяйнемёйнен, – сказал морской малютка. – Я пришел срубить дуб, и мне это по силам.

Не успел Вяйнемёйнен усмехнуться в седые усы, как медный малыш волшебным образом переменялся: ноги мощно уперлись в землю, голова держит тучи, борода ему уже по колено, волосы – до пят, а между глаз косая сажень – как есть великан.

На семи кремнях наточил богатырь топор, чтобы лезвие само древесину ело, в три шага подступил к корням гордого дуба и ударил с плеча. После первого удара посыпались из лезвия искры, после второго – полыхнуло из ствола пламя, а на третий взмах опрокинул медный великан непомерный дуб наземь. И снова засияло солнце, опять простерлись в вышине облака, вновь открылся весь небесный простор над окутанной мглою землей. Густо разрослись рощи, вольно поднялись леса, распустились листья и травы, загомонили на ветках птицы, из мха вышли ягоды и пестрые цветы – ожил осиянный край.

Положил богатырь поверженный ствол к восходу, на закат бросил верхушки, раскинул листья на полдень, ветки свалил

на полночь, а сам медной шишкой скатился с мыса в воду: и кто в ту пору поднял ветку, тот навек обрел счастье, кто принес к себе верхушку – стал могучим чародеем, кто сорвал листьяев – нашел отраду и покой для сердца. Щепки из-под богатырского топора далеко отлетели в море и там, на открытом просторе, качались под ветром, как челноки на волнах. Отогнал ветер щепки к Похьоле, скалистой стране мрака, где на мысу стирала белье девица. Увидела она в море щепки от злого дерева, собрала их в кошелку, перевязала ремнем и отнесла домой, чтобы ведьмак сделал из них заколдованные стрелы.

Озарилась земля Калевалы; кажется, всем она полна, но не ликует сердце Вяйнемёйнена – еще не зреет на полях страны хлеб. К морю, к пределу могучих вод пошел вещий певец и увидел на берегу, на песчаной отмели, семь ячменных зерен. Спрятал Вяйнемёйнен драгоценные семена в лапку желтой белки, схоронил глубоко в куньем мешочке и пошел к реке на поляну Осмо, чтобы засеять хлебом землю. Но на краю поляны остерегла его с ветки синица:

– Не взойдет у Осмо ячмень, не поднимутся хлеба Калевы – ведь не срублен еще под пашню лес, и огнем не выжжена подсека.

Тогда наточил старый Вяйнемёйнен топор и свалил на поляне все деревья – оставил лишь одну высокую березу, чтобы был отдых перелетным птицам.

В то время парил высоко над поляной орел.

– Отчего ты не тронул березу? – спросил он Вяйнемейнена.

– Оттого, – ответил мудрый старец, – чтоб спускались к ней на отдых птицы.

– Хороша твоя забота, – сказал орел и высек в помощь Вяйнемейнену ударом когтя пламя. От взмаха его крыльев поднялся ветер, и огонь обратил в золу и сизый дым порубленный лес.

Раскрыл Вяйнемейнен на поляне пашню, потом из куньего мешка, из лапки желтой белки, достал заветные семена, бросил их в землю и запел такую руну:

– Я творящею десницей
Сею зерна в теплый пепел,
Чтоб взошли хлеба на поле,
Чтобы кованые стебли
Встали из глубокой пашни.
Эй, рябинишна, хозяйка
Луга, старица земная,
Трав зеленых мастерица,
Поле не оставь бесплодным,
Вытяни из недр колосья!
Укко, ты – держатель мира,
Укко, правящий грозой,
Судеб и времен вершитель,
Стань отцом для малых зерен,
Не покинь литой народец!
Ты пошли с восхода тучу,

Тучу с полночи густую,
И лиловую с заката,
И тяжелую с полудня,
И столкни их над поляной,
Выжми мед из туч небесных,
Чтобы пашня всласть наполнилась,
Чтоб хлеба заколосились!

И внял Укко, небесный властитель, песне Вайнемёйнена: согнал тучи с четырех сторон, ударил их друг о друга мохнатыми боками и выжал на поле янтарный дождь. Недолго ждал Вайнемёйнен всходов – истекла неделя, и вышел он на поляну, где пахал и где сеял, а там уже поднялся золотой ячмень: до груди достают ему граненые колосья, высокие стебли клонятся от тяжести, на каждом стебле – по три узда. Улыбнулся Вайнемёйнен, осмотрелся, увидел на березе посреди поля весеннюю кукушку и запел радостную песню:

– Ты покличь, покличь, кукушка,
Серебро почисти в горле,
Грудь песочную наполни,
Оловянный клювик вздерни!
По утрам кукуй и на ночь,
Не ленись под солнцем полдня,
Не молчи рассветом росным,
Чтоб цветы в лугах пестрели,
Лес и рощи ликовали,
Рыба чтоб плодилась в море,

И родилось вдоволь хлеба!

Так и исполнилось все по вещим словам Вяйнемёйна.

3. Йоукахайнен состязается с Вяйнемёйненом

Покойно и вольно жил Вяйнемёйнен в зеленых чащах Калевалы. Рождались народы и заселялись земли, сменялись зимы и старели камни, а он слагал свои мудрые песни о началах сущего, о делах минувших, о потаенных истоках вещей, и обходили стороной светлую Калевалу лихие времена и недороды. Людская молва далеко на юг и полночь разнесла вести о его вещем даре. Добрались слухи и до Похьолы.

В том северном краю, скалистом и мрачном, как изнанка мира, жил молодой Йоукахайнен – спесивый и задиристый лапландец. Услышал он однажды досадные речи, будто в долинах Вяйнёлы слагаются песни лучше тех, какие из рода в род поют в Похьоле и каким научил его отец. Зависть угнездилась в сердце Йоукахайнена – не стерпел он чужой славы и собрался в путь, в далекую Калевалу, состязаться в пении с Вяйнемёйненом. Не велели ему ни отец, ни мать, владычица рода, доверяться пустой затее, говорили, что околдуют его в чужой земле, зачаруют, оставят коченеть в сугробе, но упрям был Йоукахайнен.

– Во многом вы сведущи, – сказал он хвастливо родителям, – только я вас обоих мудрее. Захочу, и лучших певцом посрамлю, чародеев зачарую – так спою, что станет великий ничтожнее малого!

Взял Йоукахайнен в конюшне лучшего коня – из ноздрей пламя рвется, под копытами брызжут искры, – взнуздal и запряг в узорчатые сани. Уселся сам поудобнее, хлестнул коня кнутом с жемчужной рукоятью и помчался по дороге к просторам Вяйнёлы.

Долго скакал без отдыха его конь – выезжал Йоукахайнен из дома при полной луне, а прибыл в Калевалу к острому месяцу. Случилось так, что в это время старый Вяйнемёйнен был как раз на той дороге – объезжал дубравы и рощи светлой страны. Без удержу наехал на него буйный Йоукахайнен – зацепились у саней оглобли, лопнули ременные гужи, за-

трещали хомуты от натуги, а из дуг от удара вышел дым.

– Откуда ты родом, что не умеешь коня придержать? – озлился Вяйнемейнен. – Зачем скачешь безрассудно? Зачем сломал мне сани?

– Я известный всем Йоукахайнен из Похьолы, – ответил лапландец. – Назовись и ты, бестолковый старик.

Вяйнемейнен назвал свое имя и велел невеже уступить дорогу старшему. Но усмехнулся пришелец:

– Нечего нам годами меряться – какой прок в немощных седилах? Кто из нас выше мудростью, тот пусть и займет дорогу, а другой ему пусть уступит. Давай, Вяйнемейнен, в споре решим, кто из нас сильнее в познаниях и чьи песни полнее чарами.

– Что ж, – согласился Вяйнемейнен. – Я певец безыскусный, жизнь в родных лесах прожил одиноко, да и слышал там только кукушку. Начинай, поделись, в чем сведущ.

И раскрыл ему Йоукахайнен свою мудрость – рассказал, что в крыше есть дыра для дыма, а в печи есть очаг для огня, что тюлень на мелководье у берега ловит лососей и сигов, что отважная щука мечет икру свирепой зимой, а горбатый окунь – летом, что северяне пашут на оленях, а южане – на кобылах, что на горе Писа растут ели, а на горе Хорна – сосны, что озеро Халляпюеря огромно, что река Вуокса неукротима, что водопад Иматра страшен.

– Бабья мудрость, ребячий ум! – потешался Вяйнемейнен. – Расскажи о сокровенном – о вечных глубинах, о на-

чалах вещей.

И поведал Йоукахайнен, что синица – из птичьей породы, а гадюка – змея, что ерш – речная рыба, а минога – червь, что кипятком можно ошпарить, а пламенем – обжечь, что из всех лекарств старше прочих вода, что пена – средство в заклинаниях, что первый чародей – создатель, что вода явилась из горы, а огонь упал на землю с неба, что железо выпекают из болотной ржави, а медь рождается на скалах, что древнее всех земель – трясина, что ива старше остальных деревьев, что дупла – первые жилища, что камни – первая посуда.

– Всю глупость выложил, – засмеялся Вьянемейнен, – или еще припомнишь?

– Нет, осталось немного, – сказал молодой Йоукахайнен и припомнил седую старину: как вспахал он когда-то море, как выкопал рыбам ямы, как опустил морское дно, распростер вширь озера, воздвиг горы и накидал скалы.

– Я был шестым из могучих, – похвалился лапландец, – это я сотворил землю и заключил воздух в границы, я направил в небе месяц и поставил солнце, это я забросил ввысь Медведицу и рассыпал по своду звезды...

– Да ты врешь без всякой меры! – осадил хвастуна Вьянемейнен. Крепко помнил он тайны творения, через пуповину взятые знания матери, и сказал со смехом, что никогда не был Йоукахайнен при начале начал, что не видел его и не слышал о нем тот, кто поставил солнце и построил небесный свод, что в бахвальстве юнец превзошел даже собственную

глупость, а это лишь дураку из дураков по силам.

– Ты осмеял мой разум, – сверкнул глазами Йоукахайнен, – так меч мой его оправдает! Ну-ка, кончай зубоскалить, давай посмотрим, чей меч острее!

Но не стал Вяйнемёйнен мериться мечом с лапландцем – не страшили его ни мудрость, ни хитрость Йоукахайнена, обнажить же клинок против негодного юнца посчитал вещий старец недостойным. Так и сказал сопернику. Обозлился не на шутку лапландец, затряслась у него косматая голова, и рот перекосялся от ярости.

– Раз боишься мериться мечами, – сказал он Вяйнемёйнену, – тогда я тебя песней превращу в свиное рыло – будешь у меня в хлеву валяться в навозной куче!

Гнев охватил Вяйнемёйнена после этой неумной дерзости, и сам он запел вещую руну – вняли его словам земные силы, и тут же всколыхнулись озера, задрожали горы, покрылись трещинами и осыпались скалы. Поет Вяйнемёйнен, и на дуге саней незваного гостя разрастаются побеги, на хомут насаждает ива, на шлее ветвится верба – и вот уже стали его узорчатые сани прибрежным тальником, кнут с жемчужной рукоятью обратился камышом, белолобый конь застыл скалой, меч взлетел яркой молнией в небо, из раскрашенного лука вышла над морем радуга, стрелы разлетелись ястребами, а сам лапландец по колено ушел в землю. Хочет Йоукахайнен освободить ноги, но они точно обуты в камень. Тут только понял он, что ступил не на ту дорогу – не по силам

ему состязаться в песнопении с Вяйнемёйненом, – и ледяной неодолимый страх застудил ему душу.

– Отпусти меня! – взмолился лапландец. – Возьми назад заклятия – дам тебе выкуп, какой пожелаешь!

И предложил Йоукахайнен на выбор два славных лука – один на диво меткий, а другой бьет с небывалой силой. Но отказался вещий старик:

– У меня луков столько, что все стены увешаны. Мои луки сами в лес ходят – без хозяина дичь стреляют.

Запел Вяйнемёйнен дальше, и по бедро ушел в землю лапландец. Тогда предложил он на выбор две чудные лодки – одна летит как птица, а другая возит тяжелые грузы, но снова отказался богатырский старец:

– Не хочу твоих лодок – у меня их столько, что за ними берега не видно.

Еще трижды обращался с мольбой к Вяйнемёйнену Йоукахайнен, предлагал лихих коней, богатую казну, добытую отцом его в битве, хлеб и земли своей страны, но продолжала литься вещая руна, пока по горло не ушел лапландец в земную зыбь и не набились ему в рот песок и мох, так что едва он мог говорить.

– О мудрый Вяйнемёйнен, – взмолился он из последних сил, – отпусти, оставь мне жизнь! Я отдам свою сестру Айно – пусть будет тебе женой, пусть метет твой дом, печет тебе медовые лепешки, стирает твою одежду и ткет золотые ткани! Пусть будет тебе опорой в старости!

Понравились эти слова Вяйнёмёйнену; повеселел он и запел иную песню – ею взял назад свои заклятия. Отпустила земля молодого Йоукахайнена, назвавшегося безрассудно ее творцом, вновь конем стала скала, опять вышли из тальника сани, и как прежде сделался кнутом камыш. Решил могучий старец, что хватило пришлецу науки.

Не оправившись от страха, вскочил лапландец в сани, хлестнул коня и с тяжким сердцем поспешил к родительскому очагу. Язвимый своим позором, так бешено он разогнался, что у отеческого дома не успел придержать коня – сломал о ворота оглобли и разбил сани об овин. Не знают отец и мать, что и думать: печален их сын, стоят в его глазах слезы, поникла голова и побелели сжатые губы.

Наконец рассказал им Йоукахайнен, что едва спасся от чародея Калевалы, которому покорны даже камни, и за спасение обещал отдать их родную дочь Айно вещему Вяйнёмёйнену, чтобы стала песнопевцу женой и опорой в хилой старости.

Но неожиданно обрадовалась мать его словам и потеряла довольно руки.

– Нет причины печалиться, – успокоила сына старуха, владычица рода. – Сама я долго ждала, чтобы могучий Вяйнёмёйнен стал мне желанным зятем, а дочери родимой мужем. Тебе ли не знать, какая нам будет от него защита.

Услышала материнские слова Айно и горько заплакала от сердечной обиды: жаль ей стало своих девичьих кос, жаль

стало оставлять светлые поляны детства, отца с братом, добрый родительский дом и идти в далекий край за старика, за чужого чужанина. Не знала еще молодая Айно, что солнце всюду освещает землю, а не одно лишь родимое окно, что в любом конце земли небо над головой голубого цвета, что повсюду на полянах растет земляника, и везде ее можно набрать в лукошко, а не только по лесам отчей страны, – не знала этого дева и долго рыдала на крыльце от горя.

4. Айно рыбой уплывает в море

Немного времени прошло, стаяли снега, и принесла синица весть в Похьолу, что скоро приедет Вьянемёйнен свататься к юной Айно, сестре Йоукахайнена. Послушал отец синицу и, довольный, оставил у окна топориче, которое вырезал из ясеня, отложил молча брат у ворот новую дугу, перестала ткать золотой пояс любопытная сестра, мать у кладовой, где снимала ложкой сливки, захлопотала к скорому празднику, и только Айно сорвала от горя с шеи жемчуг и зарыдала в платок, от прошлых слез не просохший, – не хотела она для старика носить белый жемчуг и дорогие платья, униживать

нежные руки перстнями и запястьями, не хотела для седоусого заплетать ленты в косы и повязывать шелковый налобник.

– По пустому ты слезы льешь, – сказала старуха-мать. – Горевать тебе не о чем – будешь за Вьянемёйненом ото всякой беды в защите, каждый день на столе будут масло, свинина и молочный хлеб, по горнице будешь ходить в привозных платьях и золотых подпоясках.

– Не надо мне платьев и белых хлебов, – ответила сквозь слезы Айно. – Согласна я ходить в небеленой холстине и есть черную краюшку, лишь бы остаться в отцовском доме рядом с родимой матушкой.

Но не захотела старуха слушать пустые речи дочери. Отвела она Айно к резному сундуку с приданым и разложила перед ней на пестрой крышке невестино богатство: семь чудных синих платьев, которые соткали некогда дочери месяца и солнца – дивные мастерицы, шесть золотых подпоясок, серебряный налобник и золотой кокошник, полотняные сорочки и платья из тончайшей мягкой шерсти, ожерелья из лунного жемчуга, шелковые чулки, пояса и ленты, башмаки из тонкого сафьяна и опойка, драгоценные подвески, кольца и браслеты – все до последней медной иголки выложила мать на крышку сундука. Думала она, что уймутся у дочери горькие слезы, как увидит она приданое, но по-прежнему рыдала Айно – не слушала матери, и наседали на нее думы темнее угля и чернее смолы.

– Не угодила я тебе, – огорчилась мать, – все ты печалишься и плачешь.

– Жалею я, что не умерла при рождении, – всхлипнула красотка Айно. – Мне бы тогда немного было нужно: чуть холстины на рубашку да уголок под дерном. Ты бы чуть поплакала, едва бы выжал слезу отец, а брат и вовсе не стал бы горевать. Милая матушка! Всю жизнь буду я сетовать, что отдала ты меня в утеху старику – служить дряхлому опорой. Лучше б обещала меня холодному морю – милей мне быть подругой рыбам, чем подмогой немощному старцу, который о свой чулок спотыкается и не может переступить порога!

День и другой не унимала слез Айно, а на третий день пришла к сундуку с приданым, откинула пеструю крышку и надела лучшие наряды, нацепила золотые подвески, унизила белые руки дорогими перстнями и запястьями. Вышла Айно из дома и, не в силах смирить девичью печаль, отправилась куда глаза глядят. Тяжелая тоска давила ей сердце, постылой казалась красавице жизнь, тягостные мысли одолевали ее – горько и обидно было Айно, что не плачет по ней мать, не жалеют ее отец и брат, сухи глаза у ее сестры, – больше не страшила Айно смерть, и уже призывно тянули ее к себе черные поля Маналы.

Прощаясь с деревьями и травами, долго брела Айно по лугам, болотам и дремучим лесам, пока не вышла наконец на берег моря. Под сумрачным небом дождалась она рассвета, а с первым солнечным лучом сняла жемчуга и кольца, сбро-

сила на осину платье и рубашку, скинула на камень башмаки с чулками и вошла в холодные волны. Приняла красавицу пучина, потянула в илестые глуби, и, расставаясь с белым светом, спела Айно прощальную песню:

– Море синее избыло
Все печали бедной
Айно, Облизали волны слезы,
Грудь девичью обласкали.
В Маналу навек спускаясь,
Заклинаю на прощанье:
Никогда, отец родимый,
Жив покуда, в этих водах
Не лови сетями рыбу!
Матушка, жива покуда,
Из прозрачного залива
Не бери воды студеной
Ни для теста, ни для пива!
Никогда, любимый братец,
Не ступай на этот берег,
В волнах моря, жив покуда,
Не пои коня лихого!
Милая сестра-болтушка,
Не ослушайся совета:
Никогда водою здешней
Ты лица омыть не вздумай!
Ведь вода в заливе этом —
Кровь моя, руда из жилок,
Рыбы быстрые в глубинах —

Мое тело, стан мой гибкий,
Заросли кустов прибрежных
Из костей моих поднялись,
А трава береговая —
Распустившиеся косы.

Тихо сомкнулись над Айно тяжелые волны – навсегда утолило море девичью тоску и стало отныне от слез ее соленым.

В то время пробежал по берегу заяц и услышал песню Айно. Был тот заяц изрядным храбрецом в своем трусливом племени – взялся он доставить весть на родимый двор утопшей. Быстро помчался длинноухий: рассказал в доме красавицы, что больше не вернется к ним Айно, что отныне она – сестра тюленям и подруга рыбам, что потеряла облик человеческий и стала русалкой в морских владениях Ахто, в свите царицы Велламо.

Зарыдала мать по бедной своей кровиночке и заказала всему роду, которым предводила, не качать в колыбели дочек, не растить для того лишь несчастных малых деток, чтобы потом насильно выдать замуж.

С такую силой текли из глаз старухи слезы, что залили платье и чулки с красной строчкой, а на земле, под ее ногами, разделились на три потока. Так вышли три реки из слез материнской печали, из вод их поднялись три скалы: на каждой скале – холмик, на каждом холмике – береза, а на тех березах – три золотые кукушки. Кукуют кукушки в три голоса: одна на любовь гадает, другая зовет жениха, третья кличет ра-

достные посулы. Но одну лишь беду накуковали всем золотые птицы: невеста без любви сгинула в море, одиночеством томится оставленный жених, несчастная мать изводится, выплакала глаза по дочери...

5. Вяйнемейнен ловит в море сестру Йоукахайнена, но та вновь ускользает

Известили вскоре и Вяйнемейнена о судьбе его невесты, сгнувшей в темных глубинах моря. Опечалился старец и отяжелело его сердце. Дни напролет бродил он по дому в неясной заботе, пока однажды ночью не увидел во сне туманный остров, где в воде под скалой, за мглистым мысом резвились весело девы Велламо – русалки из владений Ахто. Манил к себе этот остров вещего старца, а чем – не мог понять песнопевец.

Утром взял Вяйнемейнен сеть и удочку, осмотрел лески

из вощенной нити, положил в мешок крючки и вышел на лодочную пристань. Опустив в воду весла, направил он лодку в седую даль моря к пригрезившемуся острову. Далеко отплыл Вяйнемейнен, долго носили его волны, но отыскал-таки старец и остров, и мглистый мыс, и скалу, которые видел во сне. Там, у берега, закинул он в воду крючок с приманкой и стал удить.

Всю ночь просидел напрасно Вяйнемейнен, и только на утренней заре задрожало в его руках удилище и зашуршала в волнах леска. Вытащил старец добычу из воды и увидел удивительную рыбу: краше она сига, ярче пеструшки, серебристее щуки – на семгу похожа, только вроде, и не она. Снял Вяйнемейнен с пояса нож, вынул его из серебряной оправы и хотел уже распластать невиданную рыбу, вспороть ей нежное брюшко, как вдруг выскользнула рыба из его рук и через борт лодки ушла снова в море. Поплескалась она на волнах, потом подняла из воды голову и сказала весело Вяйнемейнену:

– Не затем я к тебе вышла, чтобы резал ты меня, как семгу, и готовил себе в пищу! Вышла я, чтобы стать тебе женою, на руках твоих нежиться, стелить тебе постель и взбивать подушки, печь тебе медовые лепешки и подносить густое пиво. Я и есть сестра Йоукахайнена, что была твоей невестой!

– Ты – Айно! – воскликнул старый Вяйнемейнен. – Это тебя я искал так долго!

Засмеялась в ответ Айно:

– Эх, нелепый! Не сумел ты поймать русалку – деву Велламо из владений Ахто, упустил невесту, так оставайся же без награды!

С тем нырнула дивная рыба в глуби и ушла на дно в гранитные расщелины. Старый же Вяйнемёйнен достал свои сети, распустил их по морю и потащил через бухты и лососьи рифы, по черным безднам и тихим заливам, по лапландским рекам и прозрачным водам Калевалы – много рыбы попалося Вяйнемёйнену, но не было в сетях русалки, которую он ловил. Поник головой вещий певец и стал клясть свою старость за то, что отобрала прозорливость у рассудка и чуткость у сердца: как мог он не узнать ту, которую искал, как не сумел удержать суженую!

Настали горестные дни для Вяйнемёйнена. Подавленные его печалью, пустыми сделались времена, потеряли голос птицы Калевалы, потускнели леса и уныло поблекли небесные выси. Не зная, как избыть грусть одиночества, как сбросить с души тяжкий гнет, обратился старец за советом к матери.

Пробудилась в водах Ильматар, всколыхнулись равнины моря, и раздался из волн ее голос:

– Чтобы не поддаться печалям и горестям, чтобы превозмочь свою скорбь, поезжай, Вяйнемёйнен, в Похьолу. Сам увидишь: есть там девицы куда получше медленных лапландок. Там возьми себе в жены красавицу Похьолы – ту, что всех стройнее и лицом прелестней, что вобрала в себя кра-

соту земли и моря – с ней забудешь свою тоску.

6. Йоукахайнен поражает стрелой коня Вьянемёйнена

Внял Вьянемёйнен совету матери и собрался в дальний путь – в холодные селения туманной Похьолы. Оседлал во дворе коня соломенной масти, поддал ему бока шенкелями, и помчал конь рунопевца из светлой Калевалы в студёный край. И был тот конь чуден: по полю скачет – трава не колыхается, бежит по равнине моря – а копыта сухи.

В то время в лапландской земле, на краю вечно мрачной Похьолы, заносчивый Йоукахайнен затаил в сердце злобу на

Вяйнемёйна – точила его зависть к вещему дару песнопевца и обида за сестру Айно, что ушла со света в черные глубины. Изготовил Йоукахайнен лук на погибель мудрому старцу, украсил его медью, серебром и золотом – на одном выгибе скачет жеребчик, на другом дремлет медвежонок, на зарубке присел заяц. Чтобы сделать тетиву для лука, выпросил лапландец жилы лося у злого Хийси, одолжил крепкий лен у лютого Лемпо. Стрелы выковал из каленого железа, оперил их трижды перьями касатки, а острия намазал черным соком змеиной крови.

Не советовала Йоукахайнену старуха-мать мстить мудрому Калевалу – говорила, что без него погибнет на земле песня и уйдет из мира радость, но без трепета готов был негодный юнец погубить радость мира, лишь бы утолить неуемную спесь.

Изо дня в день держал Йоукахайнен наготове колчан и тугой лук – без отдыха караулил соперника у дороги, высматривал в поле, стерег у кипящего водопада. Наконец, вышел однажды злой лапландец к излучине залива, посмотрел на север, взглянул на запад, повернулся к солнцу и увидел Вяйнемёйна, что, подобно серебряному облаку, мчался на коне по морю в Похьолу. Вскинув лук, вынул Йоукахайнен из колчана стрелу, прошептал заговор и нацелил в вещего певца ядовитое жало. Но высоко ушла стрела – пронзив облака, потерялась она в небе. Достал лапландец вторую стрелу, оттянул тетиву до самого плеча, но опять не помог заговор –

низко полетела стрела, пробила землю и сгнула в Манале. И третью стрелу пустил Йоукахайнен – вонзилась стрела коню в левую лопатку, достала сердце, и пал под Вяйнемёйненом чудесный конь в морские волны.

Тотчас поднялась на море буря, налетели ветры, подхватили старца и понесли от берега, швыряя с гребня на гребень, в бушующие просторы. И вскричал от злой радости Йоукахайнен:

– Никогда, Вяйнемёйнен, не увидишь ты больше полей Калевалы! Никогда, старик, не засветят тебе месяц и звезды! Отныне будешь век метаться по морю и мести илистые зыби!

Так ликовало дрянное сердце лапландца, что сразил он ядовитой стрелой красу Калевалы.

7. Орел спасает Вяйнемёйнена, и рунопевец попадает в дом хозяйки Похьолы

Много дней и ночей носили Вяйнемёйнена волны по обезумевшему морю. На второй неделе потеряло время счет, и не знал он уже, сколько блуждает по яростным гребням в этой пустыне, где его окружали лишь вольное небо, вода и неумный ветер. Измотала старца буря, покинули его последние силы, и в горькой досаде стал клясть Вяйнемёйнен

свою нескладную жизнь:

– Зачем оставил я родимую сторону?! Для того разве, чтобы трепали меня волны и носили течения по широкому морю?! Холодно и тяжело мне среди водяных валов... Плохое настало время! Близок уже мой конец – не удержаться мне на волнах и не опереться о ветер!

Как раз об эту пору летел над морем орел. Был он не из самых великих, но и малым его не назвать: одно крыло с волны сбивает пену, другое касается неба, хвост метет море, а клюв царапает скалы. Увидел орел Вяйнемёйнена на взъяренных водах и спросил из поднебесья:

– Что потерял ты в море? Зачем, богатырь, рыщешь в волнах?

– Ехал я в Похьолу сватать девицу, – ответил Вяйнемёйнен. – Мчался по морю, да у лапландского берега рухнул мой конь мертвым – в меня целил стрелой Йоукахайнен, а сразил коня. Упал я в воду, и с тех пор день и ночь мотает меня буря, так что не знаю даже, как жизнь свою кончу – то ли с голоду погибну, то ли утону в широких водах.

– Не печалься, – сказал небесный орел, – я вынесу тебя из зыбей. Хорошо помню я тот день, когда рубил ты лес на поляне Осмо и пощадил одну березу, чтобы отдыхали в ее кроне птицы. Отблагодарю тебя за эту заботу.

Подставил орел крыло обессилевшему старцу, и взошел песнопевец по нему огромной птице на спину. Понес орел седого Вяйнемёйнена, который едва уж мог пошевелиться,

путем весенних ветров к дальним границам севера, в суровую Похьолу. Взмахнул трижды крылами и доставил певца на скалистый мыс в мрачную страну, а сам полетел дальше по своим птичьим заботам.

Немилой показалась Вяйнемёйнену чужая земля – стужей она скована, туманом укутана, пути в ней не найдены. Разтерзанный ветром, битый волнами, в рваной одежде, озябший, голодный, с растрепанной бородой и всклокоченными волосами, остался Вяйнемёйнен на незнакомом берегу, где не видно вокруг ни дороги, ни тропинки в родимую сторону. От тоски по далекой Калевале потекли из глаз певца горестные богатырские слезы...

На ту пору белокурая служанка хозяйки Похьолы, обогнав петушинные крики, поднялась до рассвета и принялась стричь овец и ткать из шерсти сукна, мыть столы и мести пол, а как собрала сор на медный совок и вынесла за плетень, то услышала с моря далекий плач. Воротилась служанка в дом и рассказала о том хозяйке. Лоухи, хозяйка Похьолы – злая редкозубая старуха, – тотчас выйдя из дома к калитке, тоже услышала рыдания с берега.

– Так не плачут ни дети, ни женщины, – сказала Лоухи. – Так стенают только герои, бородатые богатыри.

Столкнула хозяйка Похьолы лодку в воду и поплыла быстро туда, где горевал старый Вяйнемёйнен. Отыскала она его в прибрежном ивняке под кустом крушины – горько скорбел старец, тряслась его борода, но уста его были закрыты.

– Что, жалкий старик, – сказала злая Лоухи, – видно, занесло тебя в чужую землю?

Гордо вскинул на ее слова Вяйнемейнен голову:

– Сам я знаю, что попал в чужие пределы, но на родине был я знатен и жил в великой славе!

– Из какого же ты будешь рода? – спросила Лоухи. – Что ты за герой?

– Считался я доселе радостью родного края, – вздохнул мудрый старец, – был я рунопевцем в долинах Калевалы. А теперь, в несчастье, сам себя не узнаю.

– Садись, богатырь, в лодку, – сказала хозяйка Похьолы. – Отвезу тебя к моему дому, там и расскажешь свою судьбу.

Выйдя из сырых зарослей, сел Вяйнемейнен в лодку Лоухи, и направила старуха ладью с гостем к своему дому. Там накормила она вещего певца досыта, высушила его платье, сводила в баню и растерла травными отварами. И так ухаживала за ним неделю, пока не стал Вяйнемейнен здоров как прежде, – лишь после этого подступила старуха Лоухи к нему с расспросами:

– Отчего ты плакал, Вяйнемейнен, на угрюмом мысу у края моря?

– Есть причина, – ответил Вяйнемейнен. – Долго носила меня буря и били волны – далеко забросило меня от родимой земли. До сих пор я горюю, что оставил свой дом и приходится мне входить в незнакомые ворота и открывать чужие двери. Понял я, что в этом краю не мила мне даже бе-

реза, здесь словно дерется у нее каждая ветка – только ветер остался товарищем, потому что прилетел из Калевалы, только солнце мне по-прежнему друг, потому что светит и в Вяйнёле.

– Не печалься, Вяйнемёйнен, прогони тоску, Увантолайнен, – желая заманить красу Калевалы в свою землю, сказала хозяйка Похьолы. – Оставайся-ка здесь: в моем доме никаких забот знать не будешь – каждый день подавать тебе стану семгу да свинину.

Ответил на это мудрый старец:

– Самая лучшая пища отдает на чужбине горечью, всегда больше чести людям на родной стороне – хочу и я вновь вернуться домой, чтобы слушать в лесу знакомую кукушку. Лучше из лаптя воду пить в родной земле, чем в чужой стороне – мед из драгоценной чаши!

– Что сможешь ты мне дать, – спросила злая Лоухи, – если доставлю тебя прямиком в родимые края, укажу путь до самой твоей бани?

– А что бы ты хотела? Возьмешь шапку серебра – бери! Захочешь шапку золота – дам и золота!

Усмехнулась хозяйка Похьолы:

– Нет, Вяйнемёйнен, нет, мудрый песнопевец! В серебре я не нуждаюсь и на золото не падка: серебро – убранство коней, а золото – забава детям. Вот если выкуешь ты для меня из лебединого пуха, молока нетели, овечьей шерсти и ячменного зерна мельницу Сампо, чтобы молола она муку, и

соль, и деньги, если изукрасишь ей крышку, то отдам я тебе в награду свою дочь и доставлю тебя домой, в Калевалу, – слушай там свою кукушку!

– Не могу я выковать Сампо, – признался Вяйнемейнен, – но, если домой доберусь, пришлю к тебе Ильмаринена – он скует тебе изобильную мельницу. Ильмаринен – в мире первый кузнец, великий мастер в своем искусстве, это он выковал кровлю воздуха, да так, что не видно ни следов оковки, ни зарубок от клещей.

– Будь по-твоему, – согласилась хозяйка Похьолы. – Но дочь свою – красавицу Похьолы – отдам лишь тому, кто скует мне Сампо.

Запрягли тут для Вяйнемейнена гнедого жеребца, усадили старца в сани, и велела ему на прощанье старуха Лоухи не подымать головы и не глядеть на небо, покуда не наступит вечер, – предупредила хозяйка Похьолы, что если взглянет песнопевец на небо до вечера, то случится с ним непременно злая беда. Хлестнул Вяйнемейнен коня, отпустил свободно вожжи, и помчались сани по указанной дороге прочь из туманной Похьолы, вон из угрюмой Сариолы.

8. Вяйнемейнен встречает красавицу Похьолы и ранит себе топором колено

Быстро бежали по дороге сани Вяйнемейнена, но немного успел он проехать от двора хозяйки Похьолы, как услышал над головой жужжание челнока по бёрду. Забыв наставление, взглянул старец в небо и увидел радугу, а на радуге, на цветной воздушной дуге, – красавицу Похьолы, что вобрала в себя всю прелесть земли и моря. Сидела красавица в бе-

лом платье за станком и ткала прилежно из серебра и золота одежду – жужжал золотой челнок, быстро бегала катушка, мелькала, перемежаясь, серебряная основа.

Остановил Вяйнемейнен коня и сказал девице:

– Спускайся, красавица, с радуги и садись ко мне в сани.

– Что мне в твоих санях делать? – спросила в ответ девица.

– Отвезу тебя в Калеву, – сказал Вяйнемейнен. – Станешь там мне женою – будешь печь медовые хлебы, варить пиво и петь у окна песни.

Но не сошла красавица с небесной дуги, только ответила весело:

– Просила я как-то дрозда, знатока невестиных дум, чтобы сказал он мне, как прожить на свете лучше: у отца ли с матушкой девицею или с мужем женою? И так прощелбетал мне с ветки дрозд: – Теплы и ясны летние ночи, но теплее жить девице в родительском доме – там она на воле, точно ягода на поляне. Зимой сильно железо стынет, но холодней жене живется – ведь жена при муже, точно собака на цепи. Редко раб ласку видит, а жене ее и вовсе не видать.

– Пустая это песня, – сказал мудрый Вяйнемейнен. – Сведущ дрозд лишь в глупых девичьих страхах, а как узнает девица мужа, так променяет на него отца с матерью, слаще он ей становится меда и моркови. Разве не знаешь ты, что уважают только жен, а девушка – навсегда дитя неразумное?

– Где же сокрыта у мужа та сладость? – спросила девица.

– А вот узнаешь! Спускайся, красавица, садись со мной

рядом – я жених не из последних и богатырь, других не хуже!

Задумалась красавица Похьолы и говорит:

– Что ж, посмотрим, что ты за герой. Посчитаю я тебя женихом достойным, если разрежешь волос тупым ножом и завяжешь яйцо в узел, да так, чтобы не был тот узел виден.

Согласился Вяйнемейнен. Выдернул он из бороды волос, снял с пояса нож и тупым краем рассек волос надвое. Завязал он и яйцо в узел, как девица хотела, и узла того никто не видел. Кудеснику, вещему старцу, изведавшему сокровенные тайны вещей, испытание это было в забаву. Позвал вновь Вяйнемейнен девицу в свои сани.

– Сяду я с тобой рядом, – сказала красавица Похьолы, – если ты так обточишь камень, чтобы ни крошки с него не слетело, да изо льда вырежешь жердинки, чтоб при том ни кусочка не откололось.

Произнес Вяйнемейнен тихонько заклятие, и стали в его руках камень, как глина, а лед, как воск. Сгладил он камень – и ни крошки с него не слетело, вырезал изо льда жердинки – и ни кусочка не откололось.

– Вот тебе, герой, последнее испытание, – сказала девица с радуги. – Назову я тебя своим мужем, если выстругаешь мне из обломков веретена челн и спустишь его на воду, не тронув его ни рукою, ни плечом, ни коленом.

– Нет никого под небесной кровлей, – сказал радостно Вяйнемейнен, – кто сработает тебе лодку лучше меня!

Взял он обломки веретена, взошел на гору и стал вытесы-

вать и гнуть доски для будущей лодки, а распряженного жеребца пустил пастись под горою. Ничуть не сомневался мудрый старец в успехе – три дня усердно выстругивал он новый челн, и ни разу не изменила ему рука и не ударил топор мимо цели. Но не всем по душе была его работа: к вечеру третьего дня осерчал злой Хийси, лютый Лемпо, на Вяйнемёйнена за тот шум, что поднял он на горе, – схватил Хийси топор старца за топориче и против воли Вяйнемёйнена направил лезвие в камень. Отскочив от камня, вонзилось лезвие в колено песнопевцу – вспорол Лемпо старцу тело, разорвал Хийси ему жилы, и хлынула алым потоком из раны кровь.

Вскричал Вяйнемёйнен от боли и стал творить заклинание, унимая кровоточивую рану:

– Ты, каленое железо,
Ты, топор, ваятель острый!
Грезил ты, что рубишь сосны,
Ратуешь с косматой елью,
Тело ешь березы белой, —
В миг, когда рассек мне ногу,
Отворив живые жилы...

Помянул старец в заговоре происхождение всех земных зол, вспомнил каждое сокровенное слово, но одного никак не мог вспомнить – заклятий о железе, чтобы наложить из них повязку, затворить ими руду в рдеющей ране. Все вокруг залил Вяйнемёйнен своей богатырской кровью, пока сдирал

с камней лишайник, собирал мох на болоте, выискивал в поле травы, пытаясь закрыть ими рану, но ничто ему не помогало, и с прежней силою струился из колена красный горячий поток.

Удрученный тяжелой болью, заложил Вяйнемейнен поспешно в сани гнедого жеребца, сам с трудом в них поднялся и поехал искать помощи – знатока заклятий о железе.

Бодро побежал конь, и вскоре подъехал старец к распутью: в три стороны расходилась дорога – Вяйнемейнен свернул на нижнюю. Недалеко он проехал, как увидел избушку. Остановил бедный певец коня у порога и спросил малыша, что играл у печи с деревянной куклой:

– Нет ли кого в этом доме, кто лечил бы раны, нанесенные железом?

– Нет здесь такого, – ответил малыш. – Поищи в другом месте.

Ударил Вяйнемейнен коня кнутом и вновь направился к распутью. Свернув там на среднюю дорогу, вскоре подъехал он к избушке, где в окно разглядел на печи древнюю старуху.

– Не найдется ли здесь кого-нибудь, – спросил Вяйнемейнен, – кто унял бы кровь из раны, полученной от железа?

Нет тут такого, кто знал бы происхождение крови, – стуча тремя зубами, ответила старуха. – Поезжай к другому дому.

Опять вернулся Вяйнемейнен к развилке дорог и на этот раз повернул коня на верхний путь. В конце той дорога нашел песнопевец кузню и ветхий домишко, где грелся на печи

седобородый старик. Спросил его богатырь:

– Не знаешь ли ты, как лечить следы железа и запирать кровь в ранах? И ответил старик:

– Что там кровь – и не то еще могут вещие речи. Есть слова, от которых стихают водопады и смирятся бурные реки.

Услышав это, встал Вьянемейнен с саней и, обагрив землю кровью, вошел в жилище старика.

9. Старик останавливает кровь в ране Вяйнемёйнена

Велел старый хозяин своему малолетнему сыну собрать благородную кровь Вяйнемёйнена в серебряную чашу, но так она хлестала из глубокой раны, что заполнила и чашу, и семь лодок, и восемь глубоких бочек, а конца потоку все нет,

– Видно, ты из великих героев, – сказал Вяйнемёйнену седобородый старик, – другой бы давно уже лежал мертвым. Чтобы совладать мне с этой раной, должен я знать природу

виновного – поведай, если знаешь, тайну рождения железа, и тогда затворю тебе кровь.

– Знаю я и о рождении железа, и о начале стали, – ответил вещий песнопевец. – Слушай же – вот как стоят по старшинству стихии: воздух – древнее всех на свете, следом по силе – вода, за ней – огонь, а младший брат огня – железо.

И рассказал Вяйнемёйнен, как Укко, творец верховный, отделил от неба воду, разграничил воду с сушей, высек первую молнию и спустил ее с неба – и только железо еще не явилось в мире. Видя это, протянул Укко однажды руки и потер их о левое колено, после того вышли из его ладоней три девы – три матери железа и голубой стали. Пошли девы по облакам, и были их груди полны, и тяжелы сосцы. Текло молоко из тугих грудей, орошая земли, болота и дремлющие воды, – черным было молоко у старшей девы, белым – у средней, и красное молоко стекало с сосцов той, что была всех моложе. Из черных капель вышло мягкое железо, куда упали белые – там родилась упругая сталь, а из красного молока явился хрупкий крушец.

Пришло время, и захотело железо повидаться со старшим братом – сойтись накоротке с огнем. Только подступило оно ближе, как вырос огонь и страшно разбушевался – погнался в ярости за меньшим братом, норовя пожрать его ужасной пастью. Спасаясь от гибели, помчалось железо прочь и нашло себе убежище в зыбких топях – в болоте под водою, меж гнилыми пнями и корнями берез скрывалось оно до срока

от диких объятий брата, но все равно пришлось ему увидеть жилище пламени, чтобы превратиться там в мечи и копья.

Пробежал по болоту волк, и выходил из леса медведь колыхать трясину – там, где ступал волк, поднялось железо, там, где медведь топтал лапой, проросла голубая сталь.

В то время родился Ильмаринен. Появился он на свет на выжженной подсеке, в куче углей, на угольной поляне, и от рождения в одной руке держал он молот, а в другой сжимал кузнечные клещи. Ночью Ильмаринен родился, а днем уже пошел строить кузницу. Искал он подходящее место для дела, где удобно ему будет поставить мехи, и увидел сырую землю, всю покрытую мелкими кочками. То было болото, на котором разглядел он в следах волка железо, а в следах медведя – синюю сталь; там и поставил Ильмаринен свое горнило, там разместил мехи.

Обустроив кузницу, сказал Ильмаринен железу: «Жаль мне тебя, плохое здесь место – лежишь вон как низко, и вода тебя мочит». И решил кузнец перенести его в огонь – в свое жаркое горнило. Затрепетало в ужасе железо перед безумием старшего брата, но сказал ему Ильмаринен: «Не тревожься – пламя родню не тронет. Ступай к нему в жилище: там ты сделаешься сильным и красивым – станешь мечом для героя и пряжкой для девицы». Положил кузнец железо в огонь горнила и раздул мехи – размякло оно в пламени под мехами и стало от жара, как тесто для хлебов. Не в силах вынести терзаний огня, взмолилось железо:

«Отпусти меня, Ильмаринен! Пожирает меня пламя!» – «Вот выпущу тебя, – ответил кузнец, – а ты, может, начнешь мстить за мучения людскому роду?» И тогда поклялось железо перед горнилом, наковальней и кузнечным молотом страшной клятвой, что, пока есть деревья для сечи, пока есть камни, чтобы рвать им сердца, не будет оно резать брата и не тронет сына матери – ведь жизнь с людьми мила железу, по нраву ему служить у людей ручным орудием. Достал тогда кователь Ильмаринен из пламени покорный металл, положил на наковальню и прилежно бил его молотом, выковывая топоры, мечи и острые копья, пока не изготовил все вещи, какие могут быть сделаны из железа.

Но не окончилась на том работа: чтобы прочно было лезвие и остро жало, стал готовить кузнец состав для закалки стали, сок для крепости металла. В ключевую воду добавил Ильмаринен щепоть золы и немного щелоку, но, отведав, остался смесью недоволен. Тут поднялась из травы пчела, покружила и подлетела к кузнечному горнилу. Увидя пчелу, попросил ее славный кователь принести на крыльях меду, а на языке нектар семи луговых цветов, что нужны ему для состава, закаляющего сталь и смиряющего ее нрав.

На беду подслушал шершень, слуга Хийси, с берестяной кровли кузницы, как собрался Ильмаринен закалять железо, и стрелой полетел к хозяину. Вскоре вернулся он, принеся с собой ужасы Хийси: шипение змей, черный яд гадюки, муравьиные укусы и нутряную желчь жабы, – все это бросил

шершень в состав для закалки стали, в сок для крепости металла. Ильмаринен же подумал, что это пчела принесла ему сладкий мед и нектар луговых цветов, которые ждал он.

Достал кузнец из огня железо и погрузил его в готовую смесь. Вышло оттуда железо злым и беспощадным и коварно нарушило клятвы. С тех пор злобно режет оно людской род, не жалея ни брата, ни сына матери и заставляя кровь беспрестанно струиться из ран.

Дослушав повесть Вяйнёмёйна, закачал старик борода-той головой:

– Знаю я теперь происхождение железа и его коварный нрав, теперь я затворю кровь в твоей ране.

И начал знахарь свое заклятие:

– Беспощадное железо,
Сталь, могучая изменой!
Ты величия не знало,
Молоком неударжимым
Из сосцов девичьих брызнув,
Из тугих грудей пролившись.
Ты величия не знало,
Когда пряталось в болоте,
Где тебя топтали волки
И давил медведь мохнатый.
Ты величия не знало,
Когда, взяв из черной топи,
В горн, сияющий от жара,
Тебя бросил Ильмаринен.

Ты величия не знало,
Клокоча кипящей лавой
У огня в жилище жутком
И навек давая клятвы
Не язвить людского рода.
Ну а ныне, став великим,
Ты от ярости трепещешь,
Честь и клятвы преступило,
Сделавшись началом бедствий,
Проливая кровь людскую.
Кто тебя ко злу принудил?
Лютостью такой насытил?
Воротись, железо, с миром,
Осмотри свою работу
И поправь беду умело —
Затвори ворота крови.
Кровь, остановись, довольно!
Ток умерь и стань недвижно,
Как стоит во мху осока,
Как стоит валун на поле,
Как вода – в окне болотном.
Ну а если бег умерить
Ты не можешь по природе,
То струись по телу в жилах,
Не багря камней и пыли.
Жить тебе пристало в сердце,
Печень с легкими – твой погреб:
Возвращайся в дом, не мешкай,
Нет нужды лицо кропить мне.

Если же меня не слышишь,
Укко есть, живущий в тучах,
Укко есть, держатель мира,
Укко есть – твой рот зажмет он,
Положив листов лазурных,
Высыпав цветы золотые.
Снизойди, отец великий!
Снизойди – запри рукою
Эту рдеющую рану,
Запруди потоки крови!

Пока говорил старик ведовские речи, все больше укрощала кровь свой яркий бег и наконец утихла вовсе. Тогда послал старик сына в кузницу приготовить целебную мазь, чтобы без следа затянулась злая рана Вяйнемёйнена.

Взял мальчик нежные стебли знахарских трав, что никому почти ни здесь, ни в прочих краях не известны, взял цвет тысячелистника, медовые соты, собрал на щепу дубовый сок и бросил все это в кипящий котел. Три дня и три ночи варилось в котле снадобье – наконец, снял мальчик пробу и увидел, что не готова мазь, не то вышло средство. Тогда добавил он в варево новых трав – тех, что ведомы лишь сильнейшим в мире знахарям и чародеям, и после того еще три раза по три ночи кипятил на огне котел, пока не выпарился отвар до густой мази.

Решил мальчик проверить волшебное средство, вышел из кузницы и помазал сломанную осину – и исцелилось Дерево,

распрямило стройный ствол, распушило ветви и стало крепче и краше прежнего. Помазал мальчик расколотый камень – и срослись куски, потер рассекшиеся скалы – и сошлись половины.

Принес он отцу целительную мазь, отдал в руки и сказал. – Удалось мне это зелье – лечит оно даже камни. Старик попробовал мазь на язык и нашел средство годным. Натерев Вяйнемёйнену зельем рану, вытянул колдовской старик из тела песнопевца все боли и запер их обратно в ту страшную гору, из которой выходят болезни, – и ушла послушно боль внутрь утеса. Нога же Вяйнемёйнена стала крепче прежнего, исцелившись и внутри, и снаружи, так что никаких следов не осталось на месте страшной раны. И возрадовался мудрый певец, и заказал грядущим народам не делать на спор ни лодок, ни иного дела и не хвалиться будущей работой, ибо только великий Укко конец всем начинаниям дарует, а без него и герои слабы, и руки сильного – немощны.

10. Ильмаринен выковывает Сампо

От старика-знахаря погнал Вяйнемёйнен коня напрямиком в Калевалу – только мелькали вдоль дороги деревья, – и ничего уже с ним по пути не случилось. По полям и болотам, по холмам и лесам мчались, скрипя полозьями, сани, а когда подъехал вещий певец к пределам родимой Вяйнёлы, к границам Осмо, то возрадовался и сказал такие слова:

– Пусть растерзает волк сонливого лапландца! Пусть приберет чума Йоукахайнена! Говорил он, что никогда не вернуться мне живым в долины Калевалы, но не вышло по его!

От радости искусно запел Вяйнемёйнен дивную руну и напел золотую ель на краю Вяйнёлы. Подняла она вершину к

небу, подперла тучи и распустила золотые ветви. Пел, заклиная светила, старец, и спускался месяц на верхушку, и сходила небесная Медведица на ветви... Но недолгой была радость Вяйнемёйнена: чем дальше заезжал он в родные земли, тем тяжелее становилось у него на сердце и тем ниже склонялась его голова, ибо обещал он за свою свободу послать в угрюмую Похьолу славного Ильмаринена.

У кузницы знаменитого мастера, откуда раздавались тяжкие удары молота, остановил песнопевец узорчатые сани. Увидя старца, спросил Ильмаринен:

– Где, Вяйнемёйнен, пропадал ты так долго?

– Был я в Похьоле, – ответил Вяйнемёйнен, – в полночной Сариоле – жил среди лапландских чародеев.

– Что же ты видел там, мудрый старец, – спросил кузнец, – и как удалось тебе вернуться?

– Видел я на холодном севере девицу, – сказал Вяйнемёйнен, – краше она самой красоты, а женихов не ищет и мужа не выбирает. Пол-Похьолы суровой славит эту девицу: краса ее, как лунный свет, как солнце, она сияет, даже звезды небесные с ней не спорят – только взглянешь на ее косы и все на свете забываешь. Слушай, Ильмаринен! Если поедешь ты в Похьолу и выкуешь мельницу Сампо, что будет молоть и муку, и соль, и деньги, если украсишь ее пеструю крышку, то в награду за работу отдадут тебе эту красавицу в жены.

Насторожился Ильмаринен:

– Уж не обещал ли ты меня в туманную Сариолу, чтобы

самого себя оттуда вызволить?! Нет, Вяйнемейнен, не пойду я в Похьолу – героев там ждет погибель, славных мужей там смертью встречают.

Понял вещий старец, что не обойтись ему без хитрости, и завел лукавую речь:

– Видел я и другое чудо: выросла на краю Калевалы золотая ель, какой никогда не бывало прежде, – подпирает она собою тучи, с вершины ее светит месяц, а на ветвях лежит Медведица.

– Нет на свете такого чуда, – сказала Ильмаринен. – Мне ли не знать, чему дивиться в Калевале, но не встречал я здесь золотой ели. Неужто мне глазам не верить?

– Раз слова моего недостаточно, – сказал мудрый старик, – так пойдем туда – сам увидишь: правда это или пустые рассказы!

Пошли они на рубежи Осмо – туда, где напел Вяйнемейнен золотую ель и где зачаровал светила. Увидел кузнец небывалое диво, и никак ему не налюбоваться сиянием дерева, месяцем в верхушке, небесной Медведицей на ветвях.

– Если и теперь не веришь, – схитрил Вяйнемейнен, – полезай наверх да сними Медведицу и месяц – уж руки твои тебя не обманут!

Так Ильмаринен и сделал – полез на ель под небеса, чтобы снять с ветвей светила, руками пощупать диво, а золотое дерево тихонько над ним потешается:

– Эх, герой – простая душа! Эх, богатырь несмышленный!

Как дитя неразумное, полез ты наверх, чтобы пощупать призрачный месяц, чтобы в руки взять отблеск созвездия!

А Вяйнемейнен тем временем, дабы разбудить бурю и всколыхнуть воздух, запел могучую песню, прося ветер умчаты Ильмаринена на своей лодке в Похьолу, в зябкую страну тумана. И зашумела страшно буря, разорвала воздух, подхватила Ильмаринена и по дороге ветра, по голубой воздушной стезе, помчала его в сумрачную Сариолу.

Прямо во двор хозяйки Похьолы принес кузнеца ветер, да так неслышно, что даже косматые псы не забрехали. В то время Лоухи как раз во дворе стояла – удивилась она гостю и говорит:

– Из каких ты будешь героев, если ходишь путем ветров, по дорогам воздушных саней, так что и собаки тебя не чувуют?

– Не затем я пришел сюда, – достойно ответил кузнец, – чтобы у чужих ворот затевать с собаками свару.

– А не слыхал ли ты, чужеземец, – спросила богатыря редкозубая старуха, – об искусном мастере Ильмаринене? Давно мы его здесь ожидаем – обещан он нам, чтобы выковать Сампо.

– Знаком я с этим кузнецом, – усмехнулся горько пришелец. – Я и есть Ильмаринен, тот самый искусный мастер.

Мигом порскнула старуха Лоухи в горницу и велела своей дочери, что была остальных прекрасней, нарядиться в самое лучшее платье, повесить на грудь жемчуга, а в уши – серьги, положить румяна на щеки и смочить глаза отваром для

томного блеска – ведь прибыл в Сариолу знаменитый Ильмаринен, чтобы выковать изобильное Сампо, раскрутить его пеструю крышку! Выбрала дочь Похьолы, краса земли и моря, в кладовой лучшие наряды, застегнула медные застёжки, перевязала золотой пояс и вошла в горницу: стройна она и гибка, глаза огнем мерцают, на щеках – алый румянец, на груди – жемчуга и золото, а в косы вплетены серебряные нити. Ввела в дом старуха Лоухи и кузнеца Ильмаринена – залюбовался он красавицей, никак не оторвать ему от нее глаз, и позабыл вовсе обиду на лукавство Вяйнемёйнена.

Накормила хозяйка Похьолы гостя досыта, напоила вдоволь – угостила всем, что было в доме самого лучшего, а потом сказала:

– Ну что, Ильмаринен, великий кузнец? Если сумеешь ты сделать Сампо из лебяжьего пуха, молока нетели, овечьей шерсти и ячменного зерна, то получишь в награду за работу мою красавицу-дочь.

– Отчего же не выковать Сампо? – сказал в ответ Ильмаринен. – Делал я дела и труднее.

Попросил Ильмаринен старуху Лоухи отвести его в кузницу, к горну и наковальне, но не оказалось у хозяйки Похьолы кузницы, не устроены у нее мехи и наковальня. Другой бы развел руками, но не привык отступать от слова славный кузнец, сковавший кровлю воздуха, – пошел он искать в мрачных просторах Похьолы место, где поставить свою наковальню. Долго ходил он по стылým землям, пока не увидел

пригодный утес, удобный для кузни, – там и велел Ильмаринен рабам Лоухи обустроить горнило и мехи. Вскоре выросла на утесе новая кузница. Зажег в ней Ильмаринен огонь и бросил в пламенное горнило лебяжий пух, молоко нетельной коровы, шерсть летней овцы да ячменное зерно – рабам же Лоухи велел без устали раздувать мехами жар.

День и ночь без отдыха качали рабы мехи – в камень ушли их пятки, на руках выросли мозоли. Спустя трое суток заглянул Ильмаринен в пылающее горнило и увидел, что вышел из огня дивный лук с золотыми дугами и серебряными навершиями; всем он был хорош, но глубже смотрели глаза Ильмаринена, и открывался им сокровенный нрав его творений: имел лук дурное свойство – каждый день приносить себе жертву, не мог удержаться от убийства. Такому луку не обрадовался мастер: разломил его надвое и бросил обратно в огонь, а рабам велел качать мехи пуще прежнего.

На другой день снова заглянул Ильмаринен в горнило проверить, что вышло из пламени, и увидел на углях челнок с медными уключинами и расписными бортами. Прекрасен был на вид этот челн, но характер имел жестокий – всякий раз сам собою шел он в сражение и без нужды топил все встречные лодки. Не обрадовался такой ладье Ильмаринен: разломал ее в щепки и бросил в пламя, а рабам велел еще сильнее раздувать в горне жар.

Прошел еще день, и увидел кузнец, как ступила из огня на дно горнила златорогая корова со звездами на лбу и сия-

ющим солнцем между рогами. Хороша была собой корова, но дурной у нее нрав – не дает доиться, уходит в лес и пускает молоко в болотные мхи. Недоволен остался Ильмаринен златорогой коровой: разрубил ее на куски и бросил в бушующее пламя, а рабам наказал что есть силы качать мехи и раздувать жар в углях.

На четвертый день поднялся над пылающим дном горнила дивный плуг – сошник у него золотой, стержень из меди, а ручки серебром обложены. С виду плуг – чудо чудное, но обычай у него никудышный: свое поле пахать не хочет, все бы ему бороздить соседский выгон. Разломал Ильмаринен дурной плуг и бросил его назад в горнило.

Увидел кузнец, что не хватает мехам силы нагнать в угли нужного жара, и позвал тогда на помощь ветер, взмолился к дремлющей буре. В тот же миг проснулись ветры, налетели буйно с четырех сторон и три дня раздували в горниле пламя так, что из окошек кузницы рвался огонь, из дверей неслись искры, а к небу поднималась туча гари и мешалась с облаками. К исходу третьего дня увидел Ильмаринен, что выросла из углей долгожданная мельница Сампо. Схватил славный кузнец клещи да молот и стал доковывать чудесное Сампо, прилаживать ему пеструю крышку, чтобы мололо оно когда надо муку, когда надо – соль, а когда надо – деньги. И вот уже завертелась крышка, уже мелет Сампо, споро сыплет то, что пожелаешь: с рассвета мелет меру на потребу, днем – меру на продажу, а вечером – меру на пирушку.

Обрадовалась хозяйка Похьолы изобильной мельнице и велела отнести ее в медную гору – там, в глубокой пещере заперла она Сампо за девятью замками и навела чары, от которых вросла мельница в землю и пустила длинные корни. Теми корнями, что крепче любых цепей, закрепила старуха Лоухи Сампо – один корень ушел в глубь земли, другой зацепился за берег моря, а третий обхватил утес. Ильмаринен же, исполнив обещание, сказал старухе:

– Что ж, сковал я Сампо – отдашь ли теперь за меня девицу?

Но ответила кузнецу сама красавица Похьолы:

– Если уйду я в чужую страну, то замолкнут здесь птицы и улетит кукушка с родных холмов. Нет, не хочу я оставлять своих девичьих дней и веселых забот – не спела я еще все песни и не наигралась в роще!

Опечалился Ильмаринен – не хотел он неволить красавицу, а злая хозяйка Похьолы и сама рада не платить за Сампо любимой дочерью. Не наставляя ее родительской властью, оставила Лоухи дочь дома, кузнеца же в награду за работу только накормила, напоила и отправила на ладье в Калевалу, призвав северный ветер нести лодку по синему морю, куда не достигнет Ильмаринен родных берегов. Так ветер и исполнил.

Прибыв в Калевалу, рассказал кузнец все как было вещице-му Вяйнемейнену, и удивлялся тот изобильному Сампо, и печалился печалью Ильмаринена.

11. Лемминкяйнен похищает девицу из рода Саари

Жил на земле Калевы на морском острове молодой рыбак Лемминкяйнен, удалой богатырь Ахти. Вышел он и лицом, и статью, ко всему и нрав имел веселый, хотя не без изъяна – падок был на женщин и на ночных гулянках, где хороводили нарядные девицы, не пропускал ни одной.

Однажды услышал Лемминкяйнен, будто живет на острове в земле Саари дева Кюлликки, такая стройная и нежная, что луговые цветы ей завидуют, да и по знатности рода она выше и славнее прочих. Ходила молва, будто солнце сватало

за нее сыночка, но не пошла в их дом красotka – не захотела сиять с небес вместе с солнцем. Говорили также, будто и светлый месяц сватал за нее чадо, но и ему отказала девица – зазорно ей было серебриться с месяцем на воздушной дуге. Рассказывали и про звезду, что хлопотала за своего сына, но если первым отказано, то уж и не с ним Кюллиikki долгими ночами мерцать на зимнем небе. Были знатные сваты из Виру, и отвечала им дева: «Не тратьте золото, не сыпьте попусту серебро – никогда не пойду я за мужем в Эстонию, чтобы считать там унылые волны и есть эстонскую ушицу!» Являлись родовитые сваты из Ингрии, и так говорила им Кюллиikki: «Ни за что не выйду я в Ингрию – печален там берег, нет там ни дров, ни лучин для света, каждую там ржаную краюшку считают, а о пшеничном хлебе и не слыхали!» Но несмотря на такую славу, все же решился веселый Лемминкяйнен ехать свататься к красотке Кюллиikki, чтобы расплести невесте разукрашенную косу.

– Не годишься ты, сынок, в женихи этой деве, – остерегла его мать. – Очень знатен род Саари – не потерпят тебя там.

– Пусть род наш не знатен и не спорит с ними славой, – ответил Лемминкяйнен, – зато сам я знатен статью | да удалю и с кем угодно поспорить могу силой да ловкостью.

– Что ж, поезжай, – вздохнула мать, – пусть засмеют тебя там девицы и жены.

Недолго раздумывал Ахти над ответом.

– Быстро оборву я женские смешки и девичье хихика-

нье, – сказал он, – огуляю да наделаю всем детей – станет им с такой заботой не до смеха!

С теми словами запряг Лемминкяйнен в сани лучшего жеребца и помчался кратчайшей дорогой по замерзшему морю в саарские селения сватать себе цветок той земли.

Долго ли, коротко – прибыл он в страну Саари, но на беду подвело молодца нетерпение – неловко въехал Лемминкяйнен на деревенскую улицу: опрокинул на бегу сани и жалился в сугроб. Засмеялись над ним жены, стали потешаться над неуклюжим гостем девицы; вылез Лемминкяйнен из сугроба и закусил со стыда бороду – никогда еще не бывало, чтобы сыпались на него женские насмешки... Но победил в удалом Ахти веселый нрав – спросил он девиц и жен, будто в сугроб и не падал:

– А что, есть ли место у вас на Саари, где бы мог я повеселиться, поплясать на поляне да девиц саарских потешить?

– Много на Саари таких местечек, где б тебе повеселиться, непутевый! – ответили ему со смехом девицы и жены. – Оставайся у нас пастушонком и пляши на поляне с конями!

Принял Лемминкяйнен шуточный девичий вызов и остался на Саари пастухом.

Скоро подросла весна и потянулись к солнцу зеленыя. Проводит удалой Ахти весь день на лугу со стадами, а по ночам ходит к молодежи – играет с ними да весело пляшет. Так все и вышло, как сказал он матери: оборвал Лемминкяйнен их насмешки, никого не миновал – не было такой ни из

молодок, ни из дев невинных, с которою бы он не переспал. Лишь одна осталась меж всеми – тот цветок Кюллики из знатного рода Саари, что всех сватов отсылала, – отвергла она и веселого Лемминкяйнена.

Сапоги истоптал молодец из рыбацкого рода – все ходил вокруг девы, что была на острове всех прекрасней, но всякий раз говорила ему Кюллики: «Что ты крутишься здесь, бедняк, понапрасну? Нужен мне муж тебя постатнее, ведь сама я стройна на диво и красою одарена на славу».

Так год почти минул в непутевом сватовстве, снова землю укрыло снегом. И вот однажды вечером, когда за сумерками следом повела Кюллики девиц-плясуний на лесную лужайку, въехал на санях в хоровод удалой Лемминкяйнен, схватил Кюллики и бросил к своим ногам на медвежью полость. Подстегнув кнутом коня, на скаку крикнул Ахти девицам:

– Никогда ни перед кем меня не выдавайте, что похитил я Кюллики! А не то найду на Саари войну закланием, и навек расстанетесь вы с мужьями и женихами!

Видя, что все дальше увозит ее от дома дерзкий Лемминкяйнен, взмолилась Кюллики:

– Отпусти меня на волю, ведь будет мать обо мне горько плакать! Знай, что есть у меня пять братьев, и еще есть семь сынов у моего родного дяди – по следам они меня отыщут и назад воротят, как зайчонка отобьют у сокола!

Но не отпустил ее Лемминкяйнен, только крепче прижал ко дну саней. От горя стала девица клясть свою судьбу:

– Зачем я на свет родилась?! Для того ли меня мать растила, чтобы досталась я скверному мужу, беспутному задире, что всегда готов к распре и мечтает об одних битвах!

– Кюллики, свет мой ясный, – принялся утешать ее Лемминкяйнен, – не о чем тебе печалиться! Обижать я тебя не стану, коли будешь хорошей женой и поделишь со мной ложе. Или горюешь ты о том, что беден я и нет у меня тучных стад? Так оставь эти заботы! Хороши мои коровы: на поляне – Куманичка, на пригорке – Земляничка, на болоте – Клюква. Корму они не просят, не запирают их на ночь, не сыплют им по утрам соли, и не надо им пастуха. Или от того печалишься, что незнатного я рода? Пусть так, зато меч мой огнем пылает, и уж он куда как знатен! Злобным Хийси он отшлифован и богами заточен – клинком этим добуду я своей семье величие! Испугалась таких речей Кюллики.

– Ахти! Милый Кауко! – взмолилась она. – Если хочешь взять меня в жены и навсегда заключить в объятия, то поклянись мне вечной клятвой, что не затеешь ты войну, как бы ни жаждал славы или наживы!

И поклялся Лемминкяйнен не начинать первым кровавой при, как бы ни жаждал он богатства или славы. Но и от красотки Кюллики потребовал Ахти клятвы, что не будет она больше ходить на девичьи игры и деревенские пляски – и дала в том Кюллики залог перед великим Укко. Так зареклись они друг перед другом: удалой Лемминкяйнен – забыть по войны, Кюллики – оставить игры.

Покидая Саари, без печали простился Ахти с местами, где летом и зимой, в дождь и злую непогоду искал он благосклонности цветка саарской земли.

По скованному льдом морю через недолгое время привез Лемминкяйнен девицу в Калевалу, к родному дому. Вышла на крыльцо встречать его мать, и сказал ей весело удалой Ахти:

– Пусть теперь смеются жены и девицы, пусть теперь надо мной зубоскалят – взял я из них лучшую, оплатил за пустые насмешки. Стели, матушка, скорее постель и взбивай пуховые подушки – наконец возлягу я с красавицей саарской!

– Хвала Укко! – ответила Лемминкяйнену мать. – Дал ты мне невестку – разведет она теперь огонь в очаге, сможет мне прясть нитки и ткать ткани, поможет стирать белить холсты. Хвали и ты, сынок, судьбу: чист на поле снег – но зубки у невесты чище, стройна на реке утка – но уточка твоя стройнее, ясны на небе звезды – но еще ясней глаза у красотки, бела на море пена – но и род ее без пятнышка! Ставь теперь новые палаты, руби в них широкие окна – получил ты жену себя знатнее!

12. Лемминкяйнен оставляет Кюллиikki и едет в Похьолу

Год прошел, как привез Лемминкяйнен из саарской земли юную деву, год жили они вместе – и забыл Ахти про войны, а Кюллиikki не ходила на игры. Но однажды случилось так, что отправился Лемминкяйнен на дальний нерест ловить рыбу, а к вечеру не вернулся, – и не утерпела красотка Кюллиikki: как спустились на землю сумерки, пошла она в деревню – туда, где собирались ночами на танцы молодежи. Сестра же Лемминкяйнена Айникки рассказала о том брату,

как вернулся он на другой день с добычей. Омрачился Ахти, вскипел злостью Кауко и, не говоря жене ни слова, стал собираться на битву.

– Пойду я сражаться с сынами Похьолы, – сказал Лемминкяйнен матери, – ничто меня теперь не удержит, раз ушла Кюллиikki на село к чужим калиткам.

Заплакала, устыдившись, Кюллиikki, хотя и без того каялась, полная дурных предчувствий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.